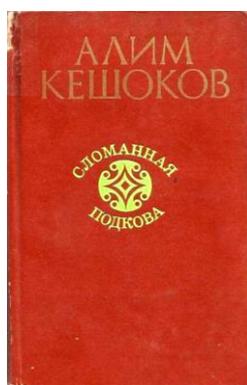

**Бакова Зера,
кешоковед**

Боевой путь и трагическая судьба конников 115-ой Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии, стала предметом изображения искусства разных жанров. Особняком стоит по этой теме роман **«Сломанная подкова»** Алима Кешокова – война этой дивизии.

Незаживающая рана

«Сломанная подкова». *Не написать его я не мог, ибо, я – живой свидетель тех трагических событий в истории народов, правдивое изображение которых поможет будущему поколению воздать должное бессмертному подвигу своих отцов.*

Алим Кешоков.

Тема Великой Отечественной войны в эпосе Алима Кешокова занимает особое место. Наиболее полное выражение она получила в трилогии писателя «Сломанная подкова», состоящая из книг «Долина белых ягнят», «Сломанная подкова» (1973) и «Грушевый цвет» (1978) (см. кн: З. Бакова. Алим Кешоков. Писатель и Время. 2016).

А. Кешоков вспоминает, как в августе 1942 года остаткам национальной дивизии «удалось оторваться от наседающего противника». Находившемуся в штабе дивизии корреспонденту «Красной звезды» А. Кешокову было предложено **«просмотреть писательским глазом»**

обстоятельный документ, адресованный командованию 51 армии. «В нем по часам и минутам прослеживался короткий, но драматический путь пяти тысяч двухсот пятидесяти всадников дивизии, моих соратников, из которых в строю оставались всего триста шестьдесят пять человек. В те дни я подумал: «Триста шестьдесят пятый – это я» и сам себе поклялся: «Останусь живым – поведаю потомству об этих днях славы». В какой форме это удастся сделать, я еще не знал. После войны я долго вынашивал свой замысел».

И замысел был осуществлен писателем с большим чувством долга и нравственной ответственности перед своим поколением, чей героический подвиг составил основное содержание «Сломанной подковы». С присущей настоящему таланту правдивостью, бескомпромиссностью автор подошел к решению сложных и противоречивых проблем, представляющих собой немалые трудности для художественного воссоздания. Это и проблема организации Национальной дивизии, и проблема работы государственных аппаратов в крайне тяжелых условиях, а главное – проблема взаимоотношений человеческих характеров, столь сложных и глубоко индивидуализированных. Причем проблемы эти решаются многомерно, с учетом сложностей времени великих потрясений, глубоких переживаний и необходимости решительных и твердых поступков, действий».

Сегодня, возвращаясь мысленно к грозным дням Великой Отечественной войны, зная ее ход и развитие, нетрудно уже после знакомства с первыми страницами романа предугадать нелегкую судьбу национальной дивизии. Из сегодняшнего «далека» кажутся наивными сами споры о том, какой должна быть эта дивизия – стрелковой или кавалерийской. Тогда решили: кавалерийской. Тогда, в начале войны, представления и о ней, и о противнике далеко не всегда соответствовали истинному положению вещей. Но А. Кешоков вовсе не стремится встать «над» своими героями, сравнить присущее им понимание военных событий со своим, сегодняшним пониманием. Он – рядом с этими людьми, он хочет,

чтобы читатели видели действительность их глазами, чтобы читатели прониклись их видением событий, их мироощущением.

Алим Кешоков. Час исполнения клятвы. Когда появился роман «Сломанная подкова», вновь встретился с вопросами: «Как возник замысел романа «Сломанная подкова»? Имеет ли сюжет романа документальную основу, а его герои – реальных прототипов? Что заставило автора обратиться к теме Великой Отечественной войны?»

Чтобы ответить на эти вопросы, я возвращаюсь к суровым годам Великой Отечественной войны, когда я, закончив по ускоренной программе пехотное училище, попал на фронт командиром минометного взвода.

Иногда писатель радуется: «Материала много, есть из чего создавать произведение». А мне поначалу мешало то, что материала действительно слишком много – целая гора гранита, в то время как мне надо всего несколько хороших глыб, чтобы высечь образы тех персонажей, с судьбами которых оказались связаны и судьбы народа, создавшего отдельную дивизию на свои средства и выразившего свою готовность на крайние лишения во имя победы над врагом.

Писать о Великой Отечественной войне плохо нельзя. Для всех народов мира, особенно участвовавших в ней, война была динамическим горообразованием, вынесшим на поверхность земли столько пород пепла и минералов, что из них возникла грандиозная панорама горных вершин. Для ее изображения нужны все краски, какие только могут быть в арсенале художника.

Когда речь идет об историческом подвиге народа, невозможно не писать о драматических условиях, в которых он совершался, нельзя игнорировать историческую действительность, создавать облегченные литературные образы, вкладывать в их уста лозунговые фразы. В достоверность и жизненность таких образов читатель не поверит.

Сознание этой ответственности меня удерживало, я не сразу решился написать произведение, посвященное Великой Отечественной войне. Лишь

накопив определенный творческий опыт, осмелился взяться за роман «Сломанная подкова», который появился спустя почти три десятилетия после войны. Но не написать его я не мог, ибо я – *живой свидетель тех трагических событий в истории народов, правдивое изображение которых поможет будущему поколению воздать должное бессмертному подвигу своих отцов.*

Когда писатель создает произведение, посвященное его времени, то жизненный опыт – сама гранитная глыба, от которой отсекается все лишнее и к которой наращивают, если в этом есть необходимость. Никто не может заранее сказать, какая пропорция явится наиболее счастливым соединением опыта и вымысла. Все объяснит произведение, созданное художником. Главное в том, верит читатель в жизненную достоверность героя или нет. Если да, то герой «работает» независимо от того, откуда он переселен на страницы романа или повести, в противном же случае герой произведения безжалостно предаст своего автора, уйдет в забвение, даже если в приложениях к книге будут справки, подтверждающие достоверность героя.

В «Сломанной подкове» наряду с историческими лицами есть и вымышленные герои. Например, в кавдивизию я «привел» капитана Локотоша, он мне нужен был как сквозной герой, которого я мог бы свободно, по-своему усмотрению, перемещать из тыла на фронт и с фронта в тыл. Локотош органически «врос» в книгу, потому что подобных ему было много и его достоверность не вызывает сомнений.

Если в романе я обращался к собственной биографии, то это понятно каждому, кто сколько-нибудь разбирается в литературном ремесле. Восприятие мира в душе писателя происходит через него самого, поэтому там, где может пригодиться собственная биография, она может быть использована. А что взято из собственной биографии, может догадаться лишь очень узкий круг близких людей, знающих автора. Широкому читателю до этого нет дела.

Читатели в целом встретили «Сломанную подкову» с одобрением. Но нет унифицированного читателя. Хорошая книга должна волновать читателя, вызывать споры, если не в целом, то и каких-то частностях. Нередко для судьбы книги имеет значение, какая оценка первой появится на свет: отрицательная или положительная.

«Сломанной подкове» повезло: сразу же после опубликования романа в центральной печати и на периферии появилось несколько положительных рецензий, подготовивших читателей к правильному пониманию произведения. Правда, потом с некоторым запозданием появилась и ядовитая струйка, но она уже не могла повлиять на течение реки в целом.

При обсуждении книги на заседании секретариата Правления Союза писателей РСФСР 5 октября 1973 года Сергей Михалков сказал:

«И очень тактично, политически здраво и разумно распределил (автор) краски в своем романе. Но он прекрасно знал, как бы ни распределял эти роли, все равно найдутся люди, которые предъявят к этому роману не литературно-художественный критерий, а чисто субъективно-обывательский». И такие люди были. Среди них, к сожалению, оказался и участник 115-й кавдивизии, который опубликовал в местной газете пространную рецензию. Ее автор, казалось, должен был внимательно относиться к тому, что пишется о тех, чью нелегкую судьбу он мог разделить, поскольку ему пришлось служить в этой дивизии до ее вступления в бой. Но автор рецензии писал не о том, как бойцы под его командованием налаживали связь на поле боя где-то в Сальских степях, а о том, как он наблюдал за эвакуацией местных организаций, находясь в родном ауле в Кабардино-Балкарии. В своей субъективной оценке романа автор, видимо, опирался на собственные поступки, и это сказалось на том, что мы по-разному видели одни и те же факты и события.